Братья Гримм

Ганс мой Еж

Жил-был крестьянин; много было у него и денег, и всякого добра; но хотя и был он богат, одного ему недоставало, чтобы быть вполне счастливым: не было у него с женою детей. Поедет он, бывало, с другими крестьянами в город, а они и посмеиваются над ним, спрашивают, отчего это у него детей нету.

Вот рассердился он однажды и, воротясь домой, говорит:

— Хочу, чтобы был у меня ребенок, пусть он будет хотя бы ежом!

И вот родила ему жена ребенка, и был он от головы до пояса ежом, а дальше мальчиком. Как увидела она ребенка, испугалась и говорит:

— Видишь, это ты нас околдовал.

А муж ей говорит:

— Ну, что ж, теперь делу помочь нельзя, а крестить мальчика все равно надо; но в кумовья-то к нам, пожалуй, никто и не пойдет.

Жена говорит:

— Да и имени-то ему другого не дашь, кроме как Ганс мой Еж.

Когда его крестили, то поп сказал:

— Его из-за колючек и в приличную постель не положишь.

И вот положили они за печкой охапку соломы, а на нее Ганса-Ежа. Кормиться грудью матери он не мог, а то бы поколол он ее своими иглами. Так и пролежал он за печкой целых восемь лет; и вот надоел он отцу, и тот одного только и желал: чтобы Ганс-Еж поскорей умер. Но он не умирал, а все продолжал лежать за печкой. А на ту пору была в городе ярмарка, и крестьянин, собираясь туда отправиться, спросил у жены, что ей там купить.

— Купи для хозяйства немного мяса да пару сдобных булок, — ответила она.

Затем спросил он работницу, и она попросила купить ей пару туфель да теплые чулки узорные.

Наконец спросил он:

— А ты, Ганс-Еж, что хочешь?

— Батюшка, — сказал он, — привезите мне волынку.

Воротился крестьянин домой, отдал жене мясо и сдобные булки, что купил ей на ярмарке, затем отдал работнице туфли и чулки узорные, наконец полез за печку и дал Гансу-Ежу волынку.

Получил Ганс-Еж волынку и говорит:

— Батюшка, сходите теперь в кузницу да попросите подковать моего петуха, тогда уеду я отсюда и никогда уже больше назад не вернусь.

Обрадовался отец, что сможет от него избавиться, и велел подковать ему петуха; а когда его подковали, сел Ганс-Еж верхом на своего петуха и уехал; и взял он с собой свиней и ослов, которых он собирался пасти в лесу. Как они приехали в лес, велел он петуху взлететь с ним на самое высокое дерево, и сидел на нем Ганс-Еж и пас ослов и свиней, и сидел он так много-много лет подряд, пока стадо, наконец, стало очень большое; и отец с той поры так ничего и не знал о своем сыне.

А Ганс-Еж все сидел на дереве и играл на волынке, — и что за чудная музыка то была! Однажды проезжал мимо король — он заблудился в лесу — и услыхал ту музыку. Удивился король и послал своего слугу, чтобы тот доведался, откуда это доносится музыка. Посмотрел, поглядел слуга вокруг — ничего не увидел, кроме петушка на верхушке дерева; а то был петушок, на котором сидел Еж и играл на волынке. Тогда король приказал слуге спросить у него, зачем он там сидит и не знает ли он, как проехать ему назад в свое королевство. Спустился тогда Ганс-Еж с дерева и сказал, что укажет ему дорогу, если король ему пообещает и отпишет то, что встретится ему первым по возвращении домой у королевского замка. И подумал король: «Это, пожалуй, сделать мне будет

легко, ведь Ганс-Еж грамоты не знает, и я могу написать то, что захочу». Взял король перо и чернила и написал что-то; Ганс-Еж указал ему дорогу, и король благополучно воротился домой. Увидала издали королевна своего отца, обрадовалась, побежала к нему навстречу и стала его целовать. Тут он вспомнил о Гансе-Еже и рассказал ей, что приключилось с ним в пути: пришлось ему, дескать, дать письменное обещание какому-то диковинному зверю отдать то, что встретится ему дома первым, — а сидел тот зверь верхом на петухе, точно на лошади, и чудно играл на волынке. Но на самом-то деле он написал, что он не должен ему ничего отдавать, ведь Ганс-Еж читать не умеет. Узнав об этом, принцесса обрадовалась и сказала, что он правильно поступил, — ведь все равно она никогда бы к нему в лес не пошла.

А Ганс-Еж тем временем пас ослов и свиней, был весел и сидел на дереве, играя на своей волынке. И случилось, что на ту пору проезжал мимо другой король вместе со своими слугами и скороходами. Он заблудился в лесу и не знал, как ему назад домой воротиться, а лес был большой и дремучий. Услыхал он издали прекрасную музыку и спрашивает у своего скорохода, что бы это могло значить, и велел узнать, в чем тут дело. Подошел скороход к дереву, посмотрел, поглядел, видит — сидит на верхушке петушок, а Ганс-Еж на него верхом уселся. И спрашивает его скороход, что он там наверху делает.

— Пасу своих ослов и свиней. А что вы хотите?

И говорит скороход, что они, мол, в лесу заблудились и не знают, как им вернуться назад в свое королевство, — не может ли он указать им дорогу. Слез Ганс-Еж вместе с петухом с дерева и говорит старому королю, что дорогу ему он укажет, если согласен он будет отдать ему то, что встретит он первым по возвращении своем домой, в свой королевский дворец. Король на это согласился и расписался Гансу-Ежу в том, что выполнить свое обещание согласен. И поехал Ганс-Еж верхом впереди на своем петухе, указал королю дорогу, и добрался тот благополучно в свое королевство. Въехал он во двор замка, и встретили его с великой радостью. А была у короля единственная дочь, была она красавица; вот выбежала она первой отцу навстречу, бросилась к нему на шею, стала его целовать да радоваться, что ее отец-старик домой воротился. Стала она его спрашивать, где он так долго странствовал; и рассказал он ей, что заблудился, мол, в лесу и, пожалуй, назад бы не вернулся, но проезжал он через дремучий лес, и сидел на макушке высокого дерева не то еж, не то человек верхом на петухе и чудно играл на волынке; он-то и помог ему выбраться из лесу и указал дорогу; и пообещал он ему за это первое, что встретится ему в королевском дворце, и это оказалась она,— вот потому и стало ему так грустно сейчас. Но она пообещала ему, что из любви к нему пойдет за этого Ежа, если он явится.

А Ганс-Еж пас своих свиней, а у свиней родились поросята; и стало их так много, что весь лес был ими полон. И не захотел Ганс-Еж жить больше в лесу, и велел он передать своему отцу, чтоб очистили в деревне все хлевы, так как явится он с большим стадом, и каждый сможет резать тогда свиней столько, сколько захочет. Услыхал это отец и запечалился: он ведь думал, что Ганса-Ежа давно уже нет в живых.

Сел Ганс-Еж на своего петуха, погнал свиней в деревню и велел свиней тех колоть. Ох, какая пошла резня да рубка, — за два часа ходу было слыхать!

Затем Ганс-Еж и говорит:

— Батюшка, велите вы моего петушка еще раз подковать в кузнице, а потом я уеду и весь свой век не вернусь к вам назад.

Велел отец подковать петушка и обрадовался, что Ганс-Еж домой возвращаться не собирается.

И поехал Ганс-Еж в первое королевство; но король повелел, что ежели кто верхом на петухе приедет и будет притом играть на волынке, то должны все в него стрелять, рубить его и колоть, чтобы он не осмелился показаться в замке. Только подъехал Ганс-Еж к замку, как кинулись на

него со штыками люди. Но он ударил своего петуха шпорой, перелетал через ворота и очутился у королевского окошка; сел на окошко и крикнул, чтобы король отдал обещанное, а не то придется ему и дочери его с жизнью своей распрощаться. Стал король свою дочь уговаривать, чтобы вышла она к Гансу-Ежу и спасла бы и свою и его жизнь. Вот оделась она во все белое, и дал ей отец карету, запряженную шестериком, отпустил с нею добрых и надежных слуг и дал ей денег и много всякого добра. Села она в карету, а Ганс-Еж со своим петухом и волынкой уселся рядом с нею; попрощались они с королем и поехали. И король думал, что он уже больше ее никогда и не увидит. Но вышло по-другому: только они отъехали немного от города, раздел ее Ганс-Еж, снял с нее белое платье и стал колоть ее до крови своими иглами и приговаривать:

— Это тебе в награду за твою неверность; уходи от меня, жить с тобой я не хочу, — и прогнал он ее домой; и вот была она опозорена на всю свою жизнь.

А Ганс-Еж поехал на своем петушке и со своей волынкой дальше, и приехал он в другое королевство, к тому королю, которому он путь указал. А король тот велел, если явится кто, похожий на Ганса-Ежа, чтобы часовые перед ним на караул взяли, пропустили бы его и чтоб кричали все «ура» и привели бы его в королевский замок. Как увидала его королевна, испугалась, — такой он был страшный на вид; но она подумала: «Что ж теперь делать, если я отцу своему дала обещание?» Приняла она Ганса-Ежа ласково да приветливо, обвенчалась с ним, и пришлось ему идти к столу королевскому. Села она с ним рядом, и стали они есть да пить. Вот наступил вечер, и надо было уже им спать ложиться, и было ей страшно его игл; но он сказал ей, чтоб она не боялась, что ей больно не будет; и он попросил старого короля, чтобы поставил он четырех человек у дверей на страже и чтоб развели они большой костер; и когда он войдет в опочивальню и станет спать ложиться, то снимет с себя свою ежовую шкуру и бросит ее у постели; и должна стража подбежать и кинуть ту шкуру в огонь и не отходить, пока она не сгорит дотла.

Когда колокол пробил одиннадцать часов, он отправился в опочивальню, скинул с себя ежовую шкуру и положил ее у постели; и явилась стража, быстро схватила ее и кинула в огонь. Когда она сгорела дотла, освободился он от чар и лежал теперь в постели, и был похож на настоящего человека, но было тело у него угольно-черное, словно обожженное. Послал король за своим лекарем, и тот стал натирать его разными целебными мазями и бальзамом, — и сделался он белым, красивым юношей. Увидала его королевна, обрадовалась; и на другое утро поднялись они радостные, стали пить да есть, а потом уж и свадьбу сыграли.

И Ганс-Еж получил от старого короля все королевство.

Прошло несколько лет, и поехал он со своею женой к отцу и говорит, что он его сын. Но отец ответил, что нет у него никакого сына; был у него, правда, сын, да тот родился ежом с колючими иглами и давно уже ушел странствовать по свету. Но вот, наконец, старик-отец узнал своего Ганса-Ежа, обрадовался и отправился с ним в его королевство.

Вот и сказке конец пришел,
К дому Густхен тебя привел.